

РАЗДЕЛ II

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ПОЭТИКА И КОНТЕКСТ

М. Р. Баязитова, г. Тюмень

ПОЭТИКА ЖЕСТА В РАССКАЗАХ А. П. ЧЕХОВА О ДЕТЯХ

Языку тела и невербальной коммуникации в истории и культуре всегда уделялось достаточно много внимания. Жесты человека способны передать большой объем информации: они могут помочь определить возраст человека, его пол, социальное положение, раскрыть психологическое состояние человека. В современном русском языке слово жест само по себе означает «демонстративное выразительное движение человеческого тела или некоторого органа, сигнализирующее о чем-то» [5: 58]. Наукой, изучающей язык тела, является кинесика. Г. Е. Крейдлин, изучающий невербальную семиотику, объектом кинесики называет мимические жесты, жесты головы и ног, позы и знаковые телодвижения.

Движения и жесты являются существенной и яркой деталью портрета чеховских персонажей, что сближает прозаические произведения с драматургией. Г. П. Бердников отмечал, что писатель «как бы сливает воедино драматическую и повествовательную форму» [2: 196]. «Нет ни одного другого писателя, — пишет Е. И. Ермилов, — рассказы которого так легко представить себе драматическими этюдами, сценами, маленькими пьесами. Нет ни одного другого писателя, в котором прозаик так непосредственно сросся с драматургом» [4: 64]. Читая рассказы А. П. Чехова, не только слышишь его героев, но и видишь их. Этому способствуют авторские указания на мимику и жесты говорящего: «Наряду с ремарками традиционного типа, рисующими существенные стороны обстановки, появляются ремарки, вводящие предметы, жесты, действия, которые в дочеховской драматургии вообще не останавливали внимание автора и не отмечались в пьесе — как неважные» [8: 153-154].

В рассказах Чехова о детях жесты героев играют важную роль в раскрытии особенностей детского поведения и характера. Нередко встречаются жесты, которые характеризуют возраст главных героев. В рассказах можно обнаружить жесты, характерные лишь для детей. Такие жесты отличаются большей импульсивностью, естественностью, непосредственностью. Гриша «говорит не столько языком, сколько лицом и руками. Показывает он, как блестит солнце, как бегают лошади, как глядит страшная печь и как пьет кухарка» [1: 84]. Грише два года и восемь месяцев. Он еще не может высказать свои мысли, не умеет использовать сложные жесты и объясняет свои переживания, как может. Взрослея, дети начинают применять все более сложные и осмысленные жесты: Митька «грозит (Феде — М. Б) под полой кулаком [1: 145]; Егор «подает Пете Удодову руку» [1: 336]; Андрей «низко поклонился» [1: 131]. Чем старше герой, тем более осознанные жесты он использует. Жесты героев становятся более понятными для окружающих, они имеют общепризнанное значение.

Детские жесты отличаются от жестов взрослых. Дети в меньшей степени владеют своими эмоциями и действиями, их жесты более бессознательны. Жесты и действия детей не ограничиваются

правилами этикета и вежливости: Сережа «заткнул уши и громко запел, чтобы заглушить <...> голос» няни [1: 97]; Гриша «заглядывал в замочную скважину» [1: 135]; Пашка «вытер рукавом нос» [1: 347]. В рассказе «Событие» дети «кладут <котят> в подола рубах». Мать, «увидев детей <...> с задранными вверх подолами, <...> конфузится и делает строгие глаза: «Опустите рубахи, бесстыдники» [1: 425]. В рассказе «Гриша» мальчик, увидев женщину с апельсинами, «проходит мимо нее и молча берет себе один» [1: 84]. Дети еще не знают правил поведения, не понимают, что можно делать и чего нельзя, поэтому они могут совершать поступки, порицаемые взрослыми.

Детская энергичность проявляется в подвижности героев. Детям свойственна резкость движений, порывистость. С помощью лексики со значением стремительности действия Чехов подчеркивает динамичность в движениях детей: Алеша «вскочил»; «прыгнул с дивана и подбежал к Беляеву»; «рванул с места и выбежал вон»; «вприпрыжку, <...> болтая руками, следовал» [1: 319-321]; Ваня и Нина «вскрикивают, прыгают с кроваток, <...> бегут босиком» [1: 424, 425]; Андрей «полетел из спальни»; «бросился в сад»; «побежал искать учителя»; «побежал к дому» [1: 129-142]. Движения детей отличаются экспрессивностью, энергичностью. Однако в рассказах также можно обнаружить примеры иного поведения героев: Чечевицын «неподвижно стоял в углу» [1: 424], Гриша «замер от удивления» [1: 139]; Ваня и Нина «салятся на корточки <...> и, не шевелясь, притаив дыхание, глядят на кошку» [1: 425, 427]. В данных примерах дети под влиянием эмоций ведут себя нетипично для своего возраста.

Часто дети, подражая взрослым, повторяют их движения. Л. Ф. Обухова отмечает, что для детей подражание «вносит важный вклад в формирование интеллекта, личности ребенка, помогает ему в освоении норм социальной жизни» [6: 4]. «Обучение возможно там, где есть возможность подражания», — подчеркивает Л. С. Выготский [3: 231]. Гриша, увидев солдат, «начинает шагать им в такт» [1: 84]; Алеша «подражая акробату, которого недавно видел в цирке, задирает вверх то одну ногу, то другую»; «взявшись правой рукой за носок левой ноги, <...> принял самую неестественную позу» [1: 317]. В отличие от взрослых, дети редко используют наигранные, искусственные жесты. Однако в рассказе «Репетитор» Егор, подражая взрослым, «милостиво пожал Пете Удодову руку» [1: 336]. Такой жест не характерен для детей, но герой использует его, чтобы казаться старше и серьезнее. Андрей в рассказе «Тайный советник», «припоминая составленный матушкой церемониал, шаркнул <...> ножкой, низко поклонился и потянулся к ручке» [1: 129]. В другой ситуации герой не стал бы использовать такие жесты, но встретившись с влиятельным дядей, он «исполняет» свойственную взрослым церемонию приветствия.

В движениях и жестах героев раскрываются особенности их характера. В рассказе «Детвора» мысли Гриши «не дают ему сидеть покойно»; он «вертится как на иголках», а «выиграв, он с жадностью хватается за деньги и тотчас прячет их в карман» [1: 316]. С помощью такого описания автор передает жадность героя, стремление выиграть, страх, что победа достанется противнику. Его сестра Соня, напротив, «кто бы ни выиграл <...> хохочет и хлопает в ладоши» [1: 316]. Героиня равнодушно относится к игре, и может радоваться победе других. Поведение Гриши противопоставляется поведению Сони. В рассказе «Володя» чрезмерная эмоциональность героя проявляется в жестах: «пригладил волосы <...> и раза три прошелся из угла в угол»; «от стыда он <...> жестикулировал»; «хватал себя за голову», «всплескивал руками»; «ударил кулаком по столу» [1: 200, 201, 208]. В рассказе «Мальчики» задумчивость Чечевицына проявляется в его поведении: «когда его спрашивали о чем-нибудь, вздрагивал, встряхивал головой» [1: 425, 429]. Герой словно витает в облаках, не замечая ничего вокруг. В рассказе «Репетитор» жест «милостиво подает Пете Удодову руку» выдает заносчивость героя, его презрительное отношение к ученику [1: 336].

Жесты в рассказах Чехова всегда обусловлены ситуацией. Слова или поступки героев часто сопровождаются какими-либо движениями или жестами. В разных ситуациях они помогают сделать высказывания более информативными, помогают выявить дополнительные смысловые значения. С помощью жестов маленькие герои выражают отношение к окружающим, эмоциональное состояние, вызванное какой-либо ситуацией. В рассказе «Тайный советник» в гости к Андрею и его семье приезжает дядя, занимающий высокий пост. Все в доме с волнением ждут его приезда. Мальчик, впервые встретившись с таким влиятельным человеком, «припоминая составленный матушкой церемониал, шаркнул перед ним ножкой, низко поклонился и потянулся к ручке», чтобы показать свое уважение [1: 129]. С помощью жестов приветствия герой показывает свое отношение к гостю и свое понимание его социального положения. Похожую ситуацию можно обнаружить в рассказе «Репетитор», где жесты также характеризуют социальное положение героев. Гимназист Егор «милостиво подает Пете Удодову

руку» [1: 336]. Характеристика «милостиво» показывает отношение учителя к ученику и устанавливает их роли в данной ситуации. Когда Егор не может решить задачу, которую задал своему ученику, он «конфузится, встает и начинает ходить из угла в угол», «ерошит волосы» [1: 337, 338]. Получив неправильный ответ, Егор «быстро стирает» его с доски [1: 337]. С нетерпением дожидаясь окончания урока, Егор «с замиранием сердца поглядывает на часы» [1: 338]. Действия героя отражают его внутреннее психологическое состояние: беспокойство, стыд, смущение, неловкость.

В рассказе «Житейская мелочь» Алеша во время разговора с другом мамы Беляевым активно жестикулирует. Беляев пришел в гости к матери мальчика, но не застав ее дома, решил поговорить с ребенком. Он расспрашивает Алешу о жизни. Мальчик с помощью жестов выражает свое отношение к сказанному и услышанному: «Как вам сказать? — сказал он и пожал плечами» [1: 317]. Доверившись взрослому, «мальчик прижался к Беляеву и стал играть его цепочкой» [1: 319]. Случайно Алеша проговаривается о том, что он и его сестра Соня тайно видятся с отцом. Пытаясь скрыть правду, он врет Беляеву. Уличенный во лжи, Алеша «покраснел и в сильном смущении, <...> стал усердно царапать ногтем медальон» [1: 318-319]. Подобные движения обнаруживают эмоциональное состояние героя — стыд, смущение. Такие бессознательные движения совершаются обычно, когда человек переживает стресс, даже если по его разговору внутренний дискомфорт никак не ощущается. Часто не столько слово, сколько жест, телодвижение, поза отражают внутреннее состояние героя. Мальчик просит взрослого не рассказывать маме о встречах с отцом, Беляев дает ему честное слово. Однако, когда приходит мама Алеша, Беляев возмущенно рассказывает ей правду. Алеша, пораженный поступком взрослого, «уселся в угол и с ужасом рассказывал Соне, как его обманули. Он дрожал, заикался, плакал» [1: 322]. Поза и жесты раскрывают чувства героя, его потрясение от поступка взрослого: первый раз в жизни Алеша столкнулся с ложью.

Е. А. Петрова выделила такую группу жестов, как жесты-симптомы, которые выражают эмоциональное состояние детей. Они могут показывать восторг, испытываемый ребенком, удивление, отчаяние, возмущение, страх. Для каждой эмоции исследователь выделила наиболее характерные жесты. В рассказах встречается жест, который, по мнению Е. А. Петровой, выражает восхищение и восторг: Соня, радуясь, «хлопает в ладоши» [1: 316]; Пашка, удивляясь и радуясь происходящему, «прыснул в рукав» [1: 346]. Радость при встрече выражает жест «протянуть руки к собеседнику»: увидев врача, Пашка «смеясь от счастья, протянул к знакомому лицу руки» [1: 352]. Такой жест, как «всплеснуть руками», по мнению исследователя, выражает удивление при восприятии информации. Однако Чехов использует этот жест для выражения отчаяния героя. Володя в одноименном рассказе «всплескивает руками» [1: 200]. В рассказе «Устрицы» голодный мальчик в отчаянии «протягивает вперед руки» [1: 133]. Жест «пожать плечами» выражает неуверенность, сомнение, незнание. В рассказе «Житейская мелочь» Алеша в разговоре с Беляевым «пожал плечами» [1: 317]. Однако этот жест используется Чеховым и для обозначения других эмоций: Вася, которому не удалось поиграть, с сожалением «пожимает плечами» [1: 319]; Сережа, не понимая за что его ругает отец, удивленно «пожал плечами» [1: 99]. Растерянность и смятение могут выражать жесты: Володя «в тяжелом, напряженном раздумье почесывал себе висок» [1: 199]; задумавшись, Ванька «почесался» [1: 481]; Чечевицын «потер правой ладонью левую руку» [1: 426]; Егор Зиберов, не сумев решить задачу, «ерошит волосы»; он «начинает ходить из угла в угол» [1: 337, 338]; Володя «пригладил свои волосы <...> и раза три прошелся из угла в угол» [1: 200]. Злость, раздражение выражают следующие жесты: Володя «ударил кулаком по столу» [1: 208]; Митька в злости «грозит <Феде> под полую кулаком» [1: 145]; Варька «грозит зеленому пятну пальцем» [1: 12]. Андрей и Алеша «дают друг другу по пощечине» [1: 318].

Жесты героев в рассказах Чехова имеют адресата, они обращены к кому-либо или чему-либо. В рассказе «Тайный советник» движения Андрея предназначены дяде: «Я шаркнул по песку ножкой и низко поклонился» [1: 131]. В рассказе «На страстной неделе» Митька «грозит (Феде — М. Б) под полую кулаком» [1: 145]. Варька «грозит зеленому пятну пальцами» [1: 12]. В рассказе «Устрицы» голодный герой обращается к окружающим: «Дайте устриц! — вырывается из моей груди крик, и я протягиваю вперед руки» [1: 133]. В рассказе «Мальчики» Володя, обращаясь к сестрам, «указал пальцем на самовар» [1: 425]. Егор, здороваясь со своим учеником, «подает <...> руку» [1: 336]; Такие жесты содержательны. В первую очередь они мотивированы не эмоциональным состоянием героев, а предназначены для сообщения собеседнику какой-либо информации.

В анализируемых рассказах Чехова маленькими героями преимущественно являются мальчики. Г. Е. Крейдлин, обращаясь к гендерным различиям, выделял характерные для каждого пола жесты. Например, такие жесты, как чесать в затылке, потирать руки, стукнуть кулаком по столу, он определял как

мужские. Подобные жесты можно обнаружить в рассказах Чехова: Чечевицын «потер правой ладонью левую руку» [1: 426]; Володя «ударил кулаком по столу с такой силой, что задрожала вся посуда», он «в тяжелом, напряженном раздумье почесывал себе висок» [1: 199, 208]. Жестом, характерным для мужчин, является рукопожатие: Егор «милостиво подает Пете Удодову руку» [1: 336]. Типичным для женщин является жест «всплеснуть руками». Но его использует Володя: «И как они могут говорить вслух об этом! — мучился он, всплескивая руками» [1: 201]. Применение этого жеста при описании мальчика позволяет акцентировать экспрессивность героя, выделить его эмоциональность, более характерную для женщин. Для женщин характерно поправлять волосы. Однако и это телодвижение использует Володя: «Он пригладил свои волосы, улыбнулся и раза три прошелся из угла в угол» [1: 200]. В рассказе «Володя» герой неоднократно использует жесты, присущие женщинам. Тем самым Чехов подчеркивает некоторую женственность, чувствительность героя.

Таким образом, жест является значимым структурным элементом портрета героя, способным раскрывать особенности детского сознания и поведения.

Литература

1. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. М.: Наука, 1983–1987. Т. 4. — 7. 1984. 1985.
2. Бердников Г. П. А. П. Чехов. Идеиные и творческие искания. М.–Л.: Художественная литература, 1961. — 96 с.
3. Выготский Л. С. Проблемы развития психики // Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 3. М.: Педагогика, 1982. — С. 134–245.
4. Ермилов Е. И. Драматургия Чехова. М.: Советский писатель, 1984. — 276 с.
5. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. М.: Новое литературное обозрение, 2002. — 592 с.
6. Обухова Л. Ф. Формы и функции подражания в детском возрасте. М: Издательство Московского университета, 1994. — 112 с.
7. Петрова Е. А. Жесты в педагогическом процессе. М.: Педагогическое общество России, 1998. — 222 с.
8. Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971. — 290 с.

С. Н. Бурова, г. Тюмень

ПОХВАЛА СОМНЕНИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КОНЦА XX в.

Некогда находившаяся под пристальным вниманием читателя и критики литература последних десятилетий XX в. сегодня явно нуждается в переосмыслении, но исследуется главным образом теми, кого привлекают прежде всего тексты, созданные в этот период представителями русского зарубежья и андеграунда. Советский мейнстрим, безнадежно скомпрометировавший себя принадлежностью к соцреализму, в трудах исследователей отечественной литературы последних десятилетий XX в. рассыпается на отдельные индивидуальности: В. Астафьев, В. Распутин, В. Шукшин, Л. Леонов, Д. Гранин... что, безусловно, оправданно, учитывая масштабы творческой деятельности выдающихся представителей советской литературы этого богатейшего в культурном отношении периода. Но при таком подходе литература перестаёт восприниматься как некая целостность, как духовное сообщество, выражающее тревоги и надежды современников, их нравственные ориентиры.

Целостное рассмотрение отечественной литературы в советский период истории, как известно, базировалось на постулатах так называемой теории социалистического реализма, признаки которой отыскивались в художественных текстах и являлись для исследователя своеобразным эстетическим мериллом значимости художественной продукции. Сегодня в поисках такой основы мы обращаемся